

А.Н. Малинкин

Ностальгия как мотив коллекционирования

Аннотация:

Одним из мотивов собирательства – главным или сопутствующим – часто бывает ностальгия по канувшим в Лету временам. Движимые любовью к дорогому их сердцу прошлому, люди стремятся воскресить его путём приобретения и владения вещами, которые это прошлое для них символизируют. Становясь коллекционерами, они таким способом подключаются к культурно-исторической памяти своего народа и своей страны, всего человечества. Коллекционеры наводят мосты в минувшие эпохи (как в и другие цивилизации, в том числе современные): чувственно-симпатически проникая в них, они восстанавливают, реконструируют в воображении «порванную связь времён». И хотя эта символическая реставрация человеческого бытия, удалённого от них во времени и/или пространстве происходит в одной отдельно взятой душе, она наполняет смыслом жизнь коллекционера, содействует духовному возрастанию его личности. Вхождение в сообщество ценителей предметов определённого тематического круга, диалоги и споры с экспертами, возникающие при истолковании символических смыслов антикварных вещей, – всё это ещё больше расширяет познавательные и духовные горизонты личности коллекционера. Так хобби становится для многих профессией.

Ключевые понятия:

Ностальгия, собирательство, коллекционирование, символизация, истолкование символических смыслов, культурно-историческая память, личность человека, коллекционерская культура памяти, эмоции, ценности

Ностальгия – сложный психологический комплекс, социально-психологический и социокультурный феномен, всегда имеющий экзистенциальную основу и часто политическую подоплёку.

Как известно, термин изобретён швейцарским врачом Иоганном Хофером в 1688 году и является производным от двух древнегреческих слов: νόστος – «возвращение на родину» и άλγος «боль, печаль» – тоска по родине или прошлому. И. Хофер описывал болезненные психические состояния швейцарских солдат, служивших наёмниками за рубежом, и студентов, обучавшихся вдали от родного дома, и отмечал, что те и другие скоро выздоравливали после возвращения домой.

В последние три-два десятилетия интерес к ностальгии стали проявлять не только психиатры, психотерапевты, психологи, но и социальные психологи, социологи, социальные философы, культурологи. Я рассматриваю ностальгию с точки зрения феноменологической социологии знания как *особую модификацию чувства любви*. Речь идёт о любви *в памяти и посредством памяти к чему-то родному и близкому вообще, в частности и прежде всего, к родине*¹. Человек вспоминает о том, что безвозвратно ушло в прошлое, но что всё время даёт о себе знать в настоящем, влечёт к себе, непроизвольно пробиваясь в сознание и воздействуя на самосознание.

Ностальгические переживания сопровождаются приятными (или не очень) душевными переживаниями, которые влияют на психосоматические процессы человека, равно как на состояние его духа и высшие духовные устремления. Нередко люди

¹ См.: Малинкин А.Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 87-117. (См.: с. 110-113: «Ностальгия», «Ностальгия по прошлому, утопизм и контрпатриотизм»)

испытывают ностальгию по достойно прожитым трудным временам, когда им приходилось переживать лишения, боль, страдания. Почему? Потому что в случае с ностальгией речь идёт о сложном душевно-эмоциональном комплексе памяти, а не о простом бытовом воспоминании, скажем, о том, каким вкусным был вчерашний ужин или каким нервным – разговор с начальником.

Память человека как существа социального, погружённого в историю и культуру (независимо от того, насколько он это осознаёт), – не психическая функция зеркального копирования того, что было когда-то в действительности, одинаковая у всех людей во все времена. Современная философия, социология и психология давно отказались от такого примитивного вульгарно-материалистического представления. Память, конечно, опирается на те впечатления и образы, которые были получены в прошлом, но она их *преобразует*. Память – не просто рефлексивная, репродуктивная функция, а творческая, продуктивная способность. Она не воспроизводит прошлое таким, каким оно было «на самом деле» (задача абсолютно невыполнимая), а *избирательно реконструирует его, прибегая к творческому воображению*.

Избирательность памяти и ре-конструирование необходимо связаны между собой и обуславливают друг друга: в соответствии с определённым психосоматическим, душевным, духовным состоянием человека, характером и направленностью его личности из потенциально воспроизводимого в памяти выбираются только то, что актуально значимо, т. е. либо жизненно-важно в плане удовлетворения насущных потребностей, либо отвечает душевным переживаниям и духовным устремлениям. Но важнее другое: *память, как и человеческое сознание в целом, имеет социальную природу*. Это означает, что индивидуальная память сущностно необходимо связана с памятью *коллективной* – семейной, социально-групповой, социально-классовой, общественной. Эта связь осуществляется главным образом через знаки и символы.

Слова естественного разговорного языка, термины и понятия искусственных языков религии, философии, науки (в том числе, культурологии и искусствоведения) – всё это и многое другое образует *социетальное знание*. Оно существует, как писал Эрнст Кассирер, в виде «символических форм культуры»². Они пребывают *между* людьми как субъектами социального действия, т. е. *«интерсубъективно»*, и внутри, и вовне индивидуального сознания и памяти каждого человека в отдельности, образуя *сверхиндивидуальный мир значений*. Чтобы стать полноценной личностью, индивидууму предстоит ещё усвоить символические формы культуры, подключившись к культурно-исторической памяти своего народа и всего человечества. В процессе их усвоения отчасти осознаются (делаясь предметом осмысления), отчасти создаются социокультурные рамки сознания и памяти. «Мы можем вспоминать, лишь находя для интересующих нас событий прошлого место в рамках коллективной памяти», – справедливо утверждал Морис Хальбвакс³.

Аналогичные идеи более глубоко и радикально были развиты Максом Шелером в его феноменологической социологии знания. Первая «высшая аксиома» его социологии знания гласит: «Знание каждого человека о том, что он – “член” общества, – не эмпирическое знание, а “*a priori*”. Оно генетически *предшествует* этапам его так называемого самосознания и сознания собственной ценности: не существует “Я” без

² Фундаментальный вопрос, из которого выросла его трёхтомная «Философия символических форм» (1923-1925-1928), Э. Кассирер сформулировал (в дополнение к вопросу И. Канта «Как возможно естествознание?» и одновременно в противовес ему) в давосском диспуте с М. Хайдеггером: «*Как возможен язык?*»

³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – пер. с фр. Н.С. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 325.

“Мы”, и “Мы” генетически всегда раньше наполнено содержанием, чем “Я”. [Детальное теоретико-познавательное обоснование этого положения дано в последней части (С) моей книги “Сущность и формы симпатии” (1923)⁴ – Прим. М.Ш.]⁵. Третья «высшая аксиома» конкретизирует *генетически-феноменологическую* идею о «предданности» сфер сознания, которая в первой аксиоме только упоминается. Она гласит: «...существует твердый закон *порядка* происхождения нашего знания о реальности – то есть знания о “том, что способно воздействовать” на нас, – а также порядка наполнения [содержанием] постоянно присущих человеческому сознанию сфер знания и коррелятивных им *предметных сфер*»⁶.

Социокультурные «рамки» памяти представляют собой актуальные в данном обществе конструкты культурно-исторического прошлого. Нам кажется, что мы «думаем» и «вспоминаем» уникально. На самом деле нам «думается» и «вспоминается» – причём посредством такого образа мыслей и типа памяти, какие сложились сначала в семье, в которой мы родились, потом в социальной группе и/или социальном классе, к которым мы волей-неволей принадлежим, в обществе, в котором мы живём, в национальной культуре, в которую погружены, словно в атмосферу, наконец, в человеческой цивилизации. Отсюда возникает проблема герменевтического круга, связанная с необходимостью осознания ценностных и смысловых (мировоззренческих) предпосылок, лежащих в основе нашего восприятия, понимания, мышления, памяти, сознания и самосознания. Эта проблема является своего рода вечной темой герменевтики – как религиозной и философской, так и искусствоведческой.

Воспоминание необходимо связано с душевно-эмоциональными переживаниями, которые, с одной стороны, никогда не повторяют пережитое, с другой – часто находятся под влиянием чувств, охватывающих широкие слои общества (в случае массовых волнений, психозов, истерий и т. п.). Это новые актуальные переживания⁷, возникающие в результате взаимодействия с рефлексивным опытом самопознания, поэтому их эмоциональная окрашенность может изменяться с точностью до наоборот: с позитивной на негативную или с негативной на позитивную. Такое происходит также вследствие того, что прошлое – наше индивидуально-личное или народа и страны, в которой мы живём (и тогда речь идёт уже о феномене «исторической памяти народа» в отличие от истории как науки), – постоянно переосмысливается и переоценивается нами, исходя, с одной стороны, из нашего собственного самосознания (т. н. «идентичности» личности или нации), с другой – из новейших общественных реалий, так сказать, «злобы дня».

Между тем, общественные реалии всегда имеют определённую доминанту – экономическую, политическую, физически-антропологическую или демографическую связанную, соответственно, с кризисами, войнами, миграциями, эпидемиями, природными бедствиями и т. п. Предметом ностальгических воспоминаний может быть что-то конкретное, например, образ «Я в молодости», любимый человек, друзья, коллеги по работе, какие-то веховые интимно-личностные или глобальные исторические события и т. д., но также нечто неопределённое, общее, атмосферическое, например, «дух времени»,

⁴ Перевод раздела С «О чужом Я. Опыт эйдологии, теории познания и метафизики опытного познания и реального полагания чужого Я и живых существ» опубликован в книге *Шелер М. О сущности философии. Работы разных лет.* – Пер. с нем. А.Н. Малинкина. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С.195-254.

⁵ *Шелер М. Проблемы социологии знания.* – Пер. с нем. А.Н. Малинкина. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. С.50.

⁶ Там же. С. 53.

⁷ В немецкой феноменологии и психологии есть для этого специальные термины «Nacherleben», «Nachfühlen»: в буквальном переводе – «постпереживание», «послечувствование».

образ родины, которая осталась в прошлом или была оставлена из-за эмиграции. Если учитывать «социальные рамки памяти», которые, согласно М. Хальбваксу, имманентны всякому индивидуальному сознанию, то все предметы ностальгических воспоминаний оказываются не копиями прошлых впечатлений, а бессознательными культурно-историческими реконструкциями, типичными для текущего момента времени.

Ностальгия, претворённая в культурно-историческую память, может переживаться различным образом, например, болезненно-травматически как *ressentiment*, обида, саднящая незаживающая рана, мучительная тоска⁸, или, наоборот, – сладостно-томительно, как романтическая сказка или приятный сон. Последнее, по данным научно-психологических исследований, встречается чаще. «Плохое» непроизвольно стирается из памяти, «хорошее» остаётся. Ностальгические переживания часто создают образ идеального бытия, некую утопию, которую настоящее опрокидывает в прошлое, не находя ей больше места в будущем. Это случается из-за потери человеком обнадёживающих перспектив в жизни, скажем, из-за преклонного возраста и связанных с ним болезней, по причине эмиграции или происшествия, повлекшего за собой тяжёлые последствия.

Как социально-психологическое явление ностальгия возникает вследствие радикальных общественных изменений – революций, войн, масштабных кризисов, катастроф. Эти события повергают массы людей в психологический шок, выводят их психику из равновесия. Вместе с тем они отрывают прошлое от настоящего в социально-историческом времени (в случае эмиграции – в физическом пространстве) настолько быстро и радикально, что у множества людей создаётся впечатление временного скачка или разрыва. В дальнейшем этот момент времени начинает восприниматься как пограничная веха, разделяющая две эпохи («до – и после») в истории страны, цивилизации или всего человечества. Такие разрывы произошли, к примеру, в нашей стране в начале 1990-х и совсем недавно – 24.02.2022.

Ностальгия – один из наиболее распространённых мотивов собирательства (коллекционирования).

Люди сохраняют или приобретают старые (старинные) вещи, как правило, из безотчётной любви к прошлому, к умершим близким, родным, друзьям, а также к самим себе в детстве и молодости. Старые семейные фотографии – широко доступный предмет собирательства. Движимые любовью к дорогому их сердцу прошлому, люди стремятся воскресить его путём приобретения и владения вещами, которые это прошлое символизируют. Так они подключаются к культурно-исторической памяти своей семьи, своего рода и народа. С особенной любовью обычно относятся к наградам дедов и бабок, отцов и матерей, хранят их как семейные реликвии, передавая из поколения в поколение. Медали и ордена, фотографии и фронтовые письма членов семьи-ветеранов Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – нередко единственное, что символически связывает современную молодёжь с невероятно тяжёлой, но героической историей родной страны.

В отличие от «обычных» людей, коллекционеры больше размышляют над этим и их раздумья имеют более глубокий и абстрактный характер. Они сознательно стремятся внести личный вклад в символическое воскрешение прошлого, для чего рационально

⁸ В последние десятилетия стали популярными различные теории «культурной травмы». Историческая память народа рассматривается в них по аналогии либо на основе неявного отождествления с памятью индивидуальной человеческой личности. На наш взгляд, такой подход несостоятелен в принципе, ибо основан, как правило, на культурологической мифологии З. Фрейда. Часто он используется в политико-идеологических целях, как, например, в глобалистской доктрине социальных изменений П. Штомпки, в которой явно просматривается влияние троцкистских идей (см.: *Штомпка П. Социология социальных изменений.* – Под ред. В. А. Ядова; Ин-т Открытое общество. М.: Аспект-пресс, 1996).

выбирают тему и системный принцип коллекционирования. При этом они обращаются не только к собственному опыту, но и чужому индивидуальному и коллективному опыту предшествующих поколений своей страны и других стран, желая его понять и по-своему переосмыслить. Такое обращение реализуется путём вживания, вчувствования в другую эпоху или чужую культуру, с помощью сопереживания, сочувствования в прямом общении с представителями предшествующих поколений либо опосредствованно в процессе знакомства с произведениями искусства, художественной литературы, мемуарами, историческими исследованиями и т. п. Всё это конституирует специфически *коллекционерскую культуру памяти*.

Коллекционеры как бы наводят мосты в другие эпохи: чувственно-симпатически проникая в них, они восстанавливают в своём воображении «порванную связь времён». И хотя эта символическая реставрация прошлого происходит в одной отдельно взятой душе коллекционера, она наполняет смыслом его жизнь и содействует духовному росту его личности. Вхождение в сообщество подобных себе ценителей предметов определённого тематического круга, диалоги и споры с экспертами, возникающие при истолковании символических смыслов, заключённых в антикварных вещах, ещё больше расширяют познавательные и духовные горизонты личности. Так собирательство из досужего увлечения может стать серьёзным занятием – коллекционированием, а хобби – профессией.

Специфическим отличием коллекционерской культуры памяти является то, что на историческое прошлое коллекционеры начинают смотреть *также глазами авторитетных коллег* по увлечению (профессии), сравнивая свой подход к формированию коллекции и свои достижения с их подходами и достижениями, вольно или невольно соревнуясь с ними. Таким образом, внутри коллекционерского сообщества постепенно формируются особые межчеловеческие связи и относительно устойчивые социальные структуры (иерархии) влияния. Но коллекционерские сообщества, на первый взгляд, замкнутые на себя, открыты в известной мере и внешнему социальному миру. Частное коллекционерство – дело индивидуально-личное, однако не сугубо приватное. Оно всегда имеет неявную культурную значимость, даже если сделки по составлению коллекции осуществляются не публично и не предаются огласке. Принимая лично, в одиночку, значимые решения, коллекционер на самом деле совершает *«социальное действие»* именно в том смысле, в каком о нём писал Макс Вебер.

Наградные знаки отличия – кресты, медали, ордена, ленты и т. д., – произведения изобразительного искусства, лучше всего передают «дух времени» потому, что он представлен в них в *компактных визуальных образах*. Они даны воспринимающему их человеку одномоментно и непосредственно, сразу и целиком, со всей очевидностью. Смыслы визуальных образов более доступны, чем, скажем, смыслы, заключённые в письменных художественных произведениях, прозаических или поэтических, понимание которых предполагает *знание языка*, а через язык также истории и культуры какого-то народа. Они более информативны, чем предельно абстрактные смыслы, скрытые в музыкальных произведениях, к тому же последние должны быть ещё кем-то исполнены и длиться во времени. Конечно, визуальные образы так же, как и все другие символические способы выражения смыслов, надо уметь «читать», т. е. учиться адекватно их воспринимать, понимать, интерпретировать. Но всё же их преимущества в отношении передачи «духа времени» очевидны. Вот почему те, кто коллекционирует награды, картины и т. п. чаще всего бывают движимы ностальгией в том смысле, в каком мы её понимаем.

Хотелось бы теперь взглянуть на ностальгию как мотив коллекционирования с другой стороны. Когда я говорю, что ностальгия – это душевно-эмоциональный комплекс, не понижаю ли я роль разума и не переоцениваю ли я значение чувств, придавая им высокий статус побудительного мотива культурной деятельности? Мой ответ: нет. Могут ли эмоции быть социально-значимой движущей силой человеческого бытия в обществе? Мой ответ: да. Наоборот, многие философы и социологи, особенно те, что придерживаются позитивистской (сциентистской) традиции, недооценивают значение эмоций в социальном бытии людей. При этом роль и значение в нём рассудка и разума они переоценивают, как если бы все люди были такими же, как они, философами или учёными. Но дело обстоит сложнее.

Отношение человека к миру начинается с чувств любви, веры, надежды, строится на этих фундаментальных эмоциях, поэтому первично оно всегда ценностное.

Восприятие чего-либо в качестве ценности, или ценностное восприятие, – культурно-исторически первоначальный и феноменологически первичный способ отношения человека к миру вообще и познавательного, в первую очередь⁹. Ценностно-нейтральным оно становится лишь *вторично* – в результате применения особой познавательной установки, специального подхода к «оскоплению» действительности, а именно теоретической (научной) *редукции*. Её важнейшей частью является *воздержание* от ценностного мировосприятия, *элиминация* ценностей и, как следствие, отказ от оценочных суждений (оценок).

Было бы ошибкой отождествлять эмоции, или душевно-духовные переживания, в устаревших традициях сенсуализма и эмпиризма с «чувственными восприятиями», «данными органов чувств», «ощущениями». Это означало бы рассматривать их упрощённо, в урезанном, искажённом виде как нечто вторичное и малозначимое. Осознаёт это человек или нет, но его познание (*а собирательство и коллекционирование – это всегда исследовательский поиск*) начинается с чувств симпатии и любви. То, что мы не любим (и потому не ценим), то, что нам не нравится и отторгается нами, с самого начала не попадает в сферу нашего внимания, интереса и, как следствие, созерцания, запоминания, рефлексии и анализа. Мы *это* не замечаем, не обращаем на *это* внимание, игнорируем¹⁰. В лучшем случае мы можем признавать, что *оно* существует само по себе, однако для нас оно не существует – ещё не существует либо уже не существует. Во всяком случае, оно не становится предметом нашего познания.

«Невозможно познать что-либо, если его не любишь, и чем глубже и полнее должно быть знание, тем более сильной, мощной и живой должна быть любовь, переходящая даже в страсть»¹¹, писал молодой Гёте. Идея о том, что всё и всякое познание должно быть очищено от человеческого эмоционально-волевого отношения, словно от грязи, замутняющей истинное видение мира, в корне ошибочна. Она основывается на *сциентистской* трактовке ценностей как интеллектуалистских конструкций, на идее тотальной рационализации и квантификации мира. Философия,

⁹ Феноменологическое понимание «ценности» и «ценностей» не имеет ничего общего с их социально-научной трактовкой и тем более с той, что бытует в общественном мнении благодаря СМИ. «Ценности» в рамках внутренне- и внешнеполитического дискурсов суть не что иное, как идеологические конструкты.

¹⁰ Шелер М. *Ordo amoris* / Шелер М. Избранные произведения. – Пер. с нем. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филиппова. Под ред. А.В. Денежкина. М.: «Гнозис», 1994. С. 339-376.

¹¹ Цит. по: Шелер М. Любовь и познание. – Пер. с нем. Д.Ю. Дорофеева / Приложение 2. Тексты Макса Шелера / Философская антропология Макса Шелера. Уроки, критика, перспективы. Отв. науч. ред. Д.Ю. Дорофеев. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2011. С. 435.

которая видит свой эпистемологический идеал в science («позитивной науке» по образцу естествознания) и сама стремится стать научно-рациональной в этом смысле, представляет собой *идеологию* кальвинистского или пуританистского толка. Её конечный смысл – обоснование колонизаторского господства человека, возмнившего себя Богом, над природой и обществом посредством техники и новейших технологий.

Сциентизм – соблазнительный, с виду «гуманистический», но, как показала практика, увы, ядовитый плод культурно-исторического развития Запада в Новое время. Мы тоже вкусили от него. Его следствием стало *богоборчество*, эволюция по направлению к *капиталистическому* «расколдовыванию мира» (по выражению М. Вебера) и в конце концов «расчеловечению» самого человека. Эти процессы отразились в падении культурного канона, в размывании идеалов истины, добра, прекрасного. В результате ведущим направлением изобразительного искусства стало т. н. «современное искусство» – искусство арт-рыночной медийной раскрутки эстетически ничтожных поделок до уровня «шедевров», а по сути чисто фидециарный инвестиционный бизнес.

Нельзя не согласиться с И.А. Ильиным в том, что искусство призвано нести людям *духовную радость*. «Искусство есть *служение и радость* – писал он. – (...) Радость сияет и ликует; а современное человечество в искусстве потешается, хихикает и рычит. Ему нужны игрища и зрелища, а не духовная радость; футбол, парады, гонки и бокс – вот лучшее «искусство» для него. Радость идет из духовной глубины, пострадавшей до одоления и озарения; а современное искусство вышвыривает на рынок все новые *выверты* и рассудочные *выдумки*, слепленные из *обломков материала* и из *душевного хаоса* по принципу *вседозволенности*. Радость есть духовное состояние, она от неба и от Божества»¹².

Тем важнее сохранять сегодня подлинные шедевры классического и постклассического изобразительного искусства. Они ценны не только сами по себе, но и как образцы для подражания и воспитания у подрастающих поколений эстетического вкуса, чувства прекрасного. И коллекционеры вносят свой незаменимый вклад в сохранение культурно-исторического наследия.

¹² Ильин И.А. Художник и художественность // Сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 1146, 1147.